

Господин?

Ой! Почему Нар лежит на земле?

Быстро поднимите его!

Это был голос Цзэфании, в который вплетались встревоженные голоса других омега-насекомых, обсуждавших случившееся.

В следующую секунду его заключили в тёплые объятия. Он услышал, как у самого его уха зазвучал голос Цзэфании, в котором сквозило явное напряжение:

В больницу. Сейчас же.

...

Шла глубокая ночь. Цзэфания выводил Нара из районной клиники — тому после капельницы стало намного лучше.

Несколько равнодушных соседей шли следом, держа в руках питательные растворы, выписанные врачом, и наперебой выражали своё беспокойство.

Чей это ребёнок? Неужели и правда главный супруг нашего Нара?

Когда вы поженились? Почему мы ни разу не слышали об этом от Нара?

Нар, ты что, снова нормально не поел? Если бы не все мы, решившие навестить тебя, потому что мы за тебя переживали, чтобы ты делал?

Именно! Ваша милость Шерда ушёл, тебе тем более нужно заботиться о себе.

Шерда — так звали дедушку Нара по линии альфа-насекомого.

Простите, я буду внимательнее. Нар уткнулся лицом в плечо Цзэфании, его голос звучал глухо.

Он совершенно не умел справляться с подобной заботой.

К счастью, Цзэфания держался достаточно непринуждённо. С улыбкой подхватив разговор, он в двух словах перевёл тему, а затем, сославшись на то, что господину необходим покой, мягко отказался от дальнейших визитов соседей.

Тогда хорошенько отдохните.

Нар, не забывай почаще выходить на прогулку!

Хорошо... Спасибо вам всем.

Проводив взглядом фигуры соседей, исчезнувшие за поворотом переулочка, Нар наконец смог выдохнуть. Стоило ему обернуться, как он нос к носу столкнулся с Цзэфанией, уже устроившимся на потёртом диване.

Их взгляды встретились, и Нар почувствовал, как в горле застрял ком.

Господин, вы всё ещё голодны? Цзэфания сохранял невозмутимый вид; протянув руку к двум стоявшим на столе банкам с питательной смесью, он ловко открыл обе одну за другой и подвинул их к нему. Сначала поешьте.

Спасибо. Нар, с чуть порозовевшими кончиками ушей, принял их.

Когда Цзэфания увидел, что он упал в обморок, его лицо исказилось от тревоги, он помчался в клинику на всех парах, но в итоге диагноз оказался банальным —

жуткий голод.

Цзэфанию до сих пор отчётливо помнил то мимолётное выражение растерянности на лице Цзэфании, когда врач озвучил этот вывод.

Не за что. Нар, по-прежнему храня на губах свою привычную улыбку, молча сидел рядом и наблюдал за ним.

Нару стало немного не по себе под этим взглядом, он уткнулся в еду и заел быстрее. Однако, впихнув в себя несколько кусков через силу, он замедлил движения.

Какой странный вкус.

Эта консервированная еда ни капли не походила ни на что из того, что Нар ел на Земле: она казалась слепленной из разнообразных вязких мясных фаршей и источала не поддающееся описанию амбре.

Он был полностью поглощен борьбой с этим испытанием и совершенно не замечал, как улыбка в глазах сидевшего рядом главного супруга становится всё глубже.

Спустя какое-то время Нар наконец проглотил последний кусочек. Он поставил пустую банку и наконец вспомнил задать вопрос:

Почему ты вернулся?

Вспомнил на полпути, что мы с господином ещё не обменялись контактами, — естественно ответил Цзэфаня.

Когда я шёл обратно, как раз увидел вашу милость и остальных возле вашей двери. Они сказали, что давно не видели тебя на улице, испугались, не случилось ли чего, а сегодня заметили, что дверь не заперта, и потому осмелились зайти взглянуть.

Вот как... Нар опустил ресницы, погрузившись в какие-то мысли.

После этого они обменялись контактами. Нар было попытался уговорить Цзэфанию вернуться в гостиницу и отдохнуть, но тот отклонил предложение, сославшись на то, что в первую брачную ночь подобает находиться рядом с господином.

Хотя Нар никогда прежде не был женат, эта на вид безупречная учтивость убедила его, заставив даже заколебаться насчёт намерения просидеть всю ночь за ковкой.

Но стоило ему вспомнить о тех скопившихся заказах, пропитанных чужим доверием и надеждами, как он всё же поднялся на ноги и направился в захлавленную мастерскую.

Ночь стояла глубокая, в печи заново разгорелся огонь.

Обжигающий жар вместе с дуновением мехов поплыл по помещению и вскоре заполнил всю мастерскую. В пляшущих языках пламени фигура Нара казалась предельно сосредоточенной.

Цзэфаня стоял в отделенной лишь дверным проемом гостиной и не уходил.

Когда Нар поднял с угла тяжёлый молот, в руке неожиданно возникло незнакомое ощущение лёгкости.

Слишком легко.

Настолько легко, будто он держал всего лишь сухую ветку.

Бац!

Первый удар обрушился на тёмно-красный кусок железа. Ожидаемой отдачи не последовало,

ощущалось лишь нечто вроде сокрушающего проникающего усилия — толстая железная заготовка подалась, словно мягкая глина, оставив на поверхности глубокую вмятину.

От мощного толчка пол слегка задрожал. Нар машинально глянул на выход и встретился взглядом с Цзэфанией, на лице которого застыло такое же нескрываемое изумление.

Это не было иллюзией.

Бац! Бац! Бац!

Второй удар, третий...

Дыхание Нара невольно участилось, а мышцы рук и спины словно пробудились от какой-то дремавшей внутри мощи.

Молот в его руке потерял всякий вес, бешено обрушиваясь вниз; языки пламени лизали металл, раскаляя его докрасна, и под ударами он стремительно вытягивался и менял форму.

Он совершенно забыл о времени, забыл обо всём на свете.

Буквально за полчаса сложный длинный меч с чертежа обрёл свои очертания. Нар подцепил его клещами и погрузил в холодную воду.

Шиии!

Клубами повалил белый пар.

Когда он поднял оружие снова, перед ним предстал полностью черный длинный меч, лезвие которого жутковато поблескивало при свете лампы.

Это...

Цзэфания всё же не выдержал и вошёл внутрь. Его взгляд был прикован к мечу, а в глубине глаз сплелись любопытство и какое-то подавленное воодушевление.

Заметив это, Нар просто протянул меч ему.

Ты умеешь обращаться с мечом?

Да. Цзэфания принял оружие и легко взмахнул запястьем, заставив клинок вычертить в

воздухе несколько чистых, стремительных дуг.

В его глазах мелькнул проблеск искреннего восторга.

Этот меч подходил ему идеально.

...

Будучи девятым личинкой Жучиногo Императора, на которого возлагали столько надежд, Цзэфания с самого рождения считался неполноценным.

Его ментальная сила была настолько слаба, что возникали проблемы даже с базовой самозащитой. В Империи, где превозносили ментальную мощь, омега-насекомое, не способное защитить себя с помощью духовной энергии и тем более неспособное уберечь господина, воспринималось почти как позор правящей семьи.

К счастью, его родитель по линии омега-насекомого происходил из отдаленных звездных систем и был мастером меча.

Там высокие технологии еще не до конца вытеснили традиционное оружие, и стальные мечи со щитами по-прежнему оставались символом выживания и чести.

Родитель лично обучал его фехтованию, однако у Цзэфании давным-давно имелась одна невысказанная проблема: каждый меч, созданный руками насекомых, неизменно сохранял остаточную ментальную энергию мастера. В момент смертельной схватки это едва заметное вмешательство могло стать фатальной брешью.

Он думал, что давно свыкся с этим, пока не взял в руки этот меч.

Чистый, устойчивый, начисто лишённый посторонних примесей — он словно слился с ним воедино.

...

Нар не стал прерывать погруженного в свои мысли Цзэфанию.

Он опустил взгляд на собственные ладони: после столь интенсивнойковки на них не осталось ни покраснений, ни мозолей, зато внутри по-прежнему бурлила неистраченная сила.

В прошлой жизниковка не была для него абсолютной загадкой, иначе он вряд ли смог бы так быстро освоиться.

Но раньше на создание хотя бы одного короткого кинжала уходили суки напролёт. Теперь же скорость, сила и даже качество готового изделия превосходили все мыслимые нормы.

Неужели это чит-код, дарованный системой? Или же скрытая особенность этого тела?

Господин?

Услышав голос, Нар поднял голову. Цзэфания, судя по всему, уже пришёл в себя; он возвращал длинный меч владельцу, а уголки его губ тронула пытливая улыбка:

Можно мне попробовать ваш молот?

Конечно.

Пусть Нар и не понимал причины, он послушно протянул инструмент за рукоять. Однако в тот самый миг, когда они передавали молот, тот резко потяжелел и пошёл ко дну. Нар среагировал мгновенно, подхватив Цзэфанию за запястье — их руки наложились друг на друга, кое-как удержав тяжесть.

Нар поднял глаза и столкнулся с потрясённым взглядом Цзэфании.

Он оказался... не в силах его поднять.

Всё в порядке? Нар, продолжая удерживать его руку, аккуратно опустил молот на пол.

Всё хорошо. Цзэфания медленно отнял ладонь, на которой еще теплилось тепло молота.

Этот молот он не смог бы сдвинуть с места.

Но этот маленький альфа-насекомое только что...

Цзэфания утонул в пучине догадок и не удержался от вопроса: Господин, вам не кажется, что он невероятно тяжёлый?

Нар честно покачал головой: Совсем нет.

В ту же секунду взгляд, которым Цзэфания смотрел на Нара, полностью изменился.

Это непринужденное обращение с тяжестью, эта природная мощь пугали куда сильнее, чем любые бойцы класса А среди омега-насекомых, которых ему доводилось встречать.

Но он быстро взял себя в руки. В следующий миг он достал из пространственного кольца длинный меч.

Стройное лезвие поблескивало лунно-серебристым светом, и лишь ближе к самому кончику виднелся жуткий скол.

Он обеими руками протянул меч Нару.

Господин, когда-то это было моим оружием. Недавно оно случайно сломалось. Голос звучал ровно, но в нем проступало едва заметное напряжение. Не знаю, сможете ли вы...

Нар понял: Ты хочешь, чтобы я его починил?

Да. Цзэфаня слегка склонил голову. Я готов заплатить за работу десять тысяч звездных монет.

Рука Нара, тянувшаяся к мечу, зависла в воздухе.

Сколько?!

Десять тысяч звездных монет.

Только произнеся эти слова, Цзэфаня вдруг резко вспомнил о своём положении — он был жалким маленьким омега-насекомым, от которого отвернулся собственный род.

Цзэфаня поспешно попытался всё исправить, на его лице проступило умеренное выражение неловкости и растерянности, и он тихо пояснил:

Господин, кхм, на самом деле семья выставила меня на продажу из-за того, что я тайком присвоил семейные кредиты. Большую часть я уже вернул, но... кое-что всё-таки припрятал при себе.

Нар окончательно ошеломлен.

Глядя на это отрешенное, чистое лицо, словно сошедшее с небес, он никак не мог связать его с поступком вроде кражи семейного капитала.

Его мировоззрение слегка пошатнулось.

Но, подумав немного, он вспомнил, что они теперь мужья, а значит, делят и позор, и славу на двоих.

Хорошо, я почию его для тебя.

<http://bllate.org/book/25791/3083421>